

ЕЛЕНА КОЛИНА

Про меня

почему мне
не сказали?

Елена Колина

Про меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=447895

Про меня: АСТ; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-068671-1, 978-5-271-29399-3

Аннотация

Может быть, вам кажется, что я плохая, что я должна быть невинным ребенком, а я – самая настоящая опытная женщина? Но у меня СИТУАЦИЯ – Санечка и его любовницы. Мы странные – Санечка, главный режиссер известного театра, манипулятор по профессии, я манипулятор по призванию, моя бабушка Вика по прозвищу Зверь, – но мне внутри моей СИТУАЦИИ не странно, а хорошо! Было хорошо, пока не появилась она, знаменитость, Лицо из телевизора. Она – Швабра! У нее наглое лицо, наглые руки. Наглые ноги на шпильках! ЧТО ОНА К НАМ ЛЕЗЕТ? У нас есть Катька. Ей не досталось главных ролей ни в Санечкиной жизни, ни в его театре, зато она всегда будет с нами. Она, а не Швабра! И я для этого кое-что сделаю – когда человек загнан в угол, он идет на все.

Может ли одаренная интуицией девочка успешно манипулировать окружающими, стать «режиссером жизни»? Да! Пока не произойдет то, чего нельзя понять, нельзя принять... когда человек говорит себе «может, мне лучше не режиссером, а воздушные шарик продавать?»

Содержание

Первое сентября, День знаний	5
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Елена Колина

Про меня

*Я посвящаю эту книгу моей любимой подруге
Аньке.*

Все совпадения случайны, все персонажи, и знаменитая писательница, и главный режиссер, лишь повод для того, чтобы рассказать о любви и ревности одной странной девочки, такой же странной, как вы и я.

Люди делятся на скучных и странных. Скучные живут свои скучные жизни вдали от театра, а странные имеют все шансы на то, чтобы стать персонажами пьесы. Мир существует для того, чтобы войти в книгу, мир существует, чтобы войти в пьесу. Я все записываю, а потом напишу пьесу «Из жизни странных людей». Они и не знают, что я все записываю!

Все знают, что все уже было, все умное уже однажды кто-то подумал, все глупое уже кто-то высказал, любое чувство кто-то испытал, любую ошибку кто-то совершил. И несчетное количество раз кто-то сказал себе «я думал, что все понимаю, а я ничего не понимаю» и попросил прощения. Но ведь для каждого его «не понимаю», его «я больше не буду» – единственное. Как будто человек с этим своим «не понимаю» один во всем мире.

Первое сентября, День знаний

1 сентября 2004

Мы странные. Санечка думает, что меня нет дома, а я дома. Он думает, что меня нет дома, я думаю, что его нет дома... Это такая игра, но иногда получается неловко.

...Голос Санечки в прихожей:

– Раздевайся, проходи. Будем пить кофе?

В ответ противный писклявый смех, – хи-хи-хи. Какая она? Судя по смеху хи-хи-хи – блондинка. Незначительное личико, хорошая фигура, в глазах надежда – вдруг вытащила счастливый билет.

Молчание – целуются?.. Что мне делать – выйти?

Санечка сделает вид, что не смутился. Не хочу, чтобы мы с ним были как будто персонажи анекдотов «любовник в шкафу» или «муж приехал из командировки»!

Что мне делать – затаиться?.. Но они сейчас будут пить кофе, а потом может быть все что угодно, еще хуже, чем просто кофе. Что, мне так и сидеть в своей комнате, как хомяку в капкане?

Правильный тактичный вариант – закричать. Тогда все перейдет в другой жанр, пошлый анекдот, бытовую комедию.

– Санечка! Я дома! – закричала я и вышла в прихожую.

– Марусечка, любимая, детка, малышка! Ты опять сегодня думала, о чем на этот раз? – заворковал Санечка. Это такая

ирония, что Я ДУМАЮ.

Санечке сорок пять лет, и он еще растет. Становится еще более привлекательным, мужественным, умным, благородным, неотразимым! Если бы он был актером, он был бы героем-любовником.

Не совсем так. Если бы Санечка был актером сто лет назад, он не мог бы рассчитывать на амплу героя-любовника. В классическом театре герой-любовник – это высокий рост, важная статная фигура, правильные черты лица, а Санечка не такой. Санечка похож на выросшего Буратино. Он невысокий, худощавый, с обаятельно неправильными чертами лица. Очень ловко и быстро двигается, как будто на шарнирах.

А если бы Санечка был актером не сто лет назад, а сейчас? Его типаж – «мужественный интеллектуал». Интеллект, рефлексия, обаяние, и по лицу понятно, что личность. Рефлексия – это когда человек все время страдает. В старом советском кино актер с таким лицом был физиком, геологом, врачом, интеллигентным слесарем. Вообще таких лиц немного, – оглянитесь по сторонам, – и где они, ау?.. Человек с таким лицом – штучный товар. Например, Даль, Баталов, Янковский, Филатов.

Но Санечка не актер.

Я прошептала Санечке «хорошенькая, скучная, бе-е», и Санечка кивнул – согласен, но что поделать? Бедная блондинка – в глазах надежда, она не звезда, не главная роль, она

вообще массовка. Главная роль в жизни Санечки – я!

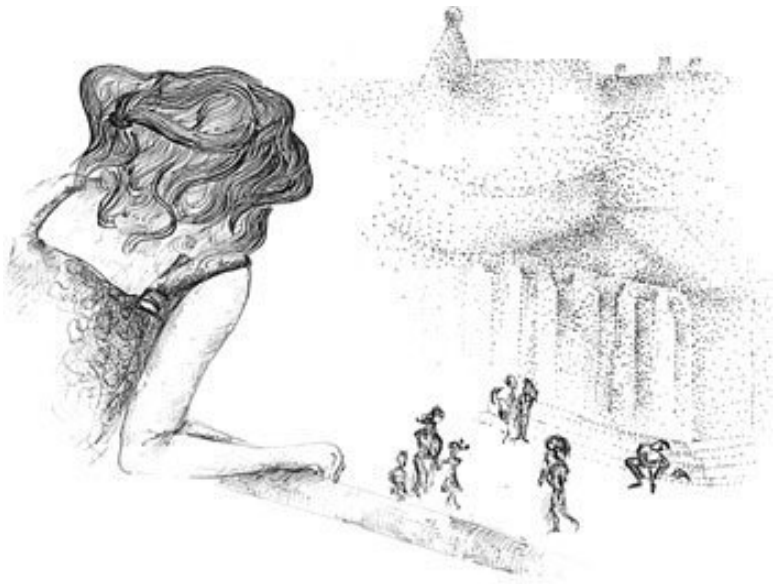
Через десять минут я сидела на своем обычном месте – на веранде кафе у Казанского собора.

Я сижу здесь каждый день, но меня еще никто не спросил – А ЧТО ЭТО ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ, ДЕВОЧКА, ВМЕСТО ШКОЛЫ?

Девочка интересная, умница, с развитой речью, слишком взрослая для своих 14 лет, но какой ей быть, ведь у нее СИТУАЦИЯ... – я знаю, так обо мне говорят в лицее. Моя «ситуация» – это мой отец, главный режиссер театра и его любовницы.

Я учусь в лицее для одаренных. У нас интересно. Я люблю лицей еще за то, что, когда прогуляешь урок-другой, на вопрос «где ты была?» отвечаешь «я думала», и это считается нормально. Никого не интересует, ГДЕ я думала. Нам, одаренным, можно думать, но не чаще, чем один-два раза в неделю. Если больше, директор лицея звонит Санечке и спрашивает – вы не знаете, о чем она у вас думает? Санечку тоже не интересует, где я думаю, а интересует, о чем. Все хотят знать, о чем я думаю. А я ни о чем не думаю, просто сижу.

Я сижу на веранде у Казанского собора, эта веранда почти в небе, на шестом этаже. Играю в свою любимую игру – наблюдаю за людьми, придумываю их судьбы.

Например, вот эта женщина, она неудавшаяся актриса, одинокая, нервная, бездетная. У нее такое бывшее красивое лицо.

Двойка мне! К бездетной актрисе подбежали дети, мальчик и девочка, кричат «мама».

...О-о, вот, наконец-то – идет!.. Как мне сказать человеку, что его больше не любят, – ужасно трудно. Что чувствует человек, понимая, что он есть, но его больше не нужно? Что он плохой, некачественный товар...

– Я по тебе соскучилась, – сказала я.

– ...Как ты думаешь, это действительно конец?.. Может быть, все-таки попробовать...

– Но зачем? Зачем мучиться, ревновать? – возразила я, – лучше пусть останется только хорошее. У нас же было много хорошего.

Мы долго вспоминали все милое и смешное, что у нас было, и она всего один раз заплакала.

– Ты права, это был праздник, – всхлипнула она.

– Международный женский день, – сказала я.

– День милиции, – подхватила она, и мы засмеялись.

Мы провели вместе год, год назад я еще была ребенком, она даже один раз меня причесывала. Хорошо, что мы расстаемся друзьями! Мы всегда расстаемся друзьями, мы с Санечкой и Санечкина любовница.

Санечка профессионально занимается любовью. Это звучит, как будто человек занимается сексом за деньги, это шутка, каламбур, игра слов. Но ведь все спектакли о любви. Получается, что любовь – это по правде Санечкина профессия.

Что бы ни говорили все, и в лицее тоже, это неправда! В нашей жизни все не театрально, а обычно. Санечка говорит «эмоций мне хватает в театре, а жизнь вне театра должна быть устроена рационально».

У него система: всегда должна быть не одна женщина, а две. Как будто роли, главная роль и роль второго плана. Санечка в них не запутывается, ему нужно грамотно развести сцены, чтобы всем было хорошо, но он же режиссер. Режи-

сер – это структурированное мышление, умение построить интригу, развести сцены. Еще бывают эпизоды, ну, и кто-то маячит в массовке – это не считается.

«Главная роль» его официальная пара. Она сидит рядом с нами на премьере, ездит с нами на фестивали и гастроли. Надеется стать единственной и связывает свои планы на будущее с нами. Ни одна «главная роль» никогда у нас не ночует. Разве не понятно, что если нельзя у нас ночевать, то и ничего не будет?!

Роман длится один театральный сезон. Начинается в сентябре и к лету заканчивается. Как календарь, как явление природы. В начале весны я замечаю Санечкин уплывающий взгляд. В мае «главная роль» жалуется мне, что Санечка не пускает ее в свою жизнь, не разрешает ей оставаться ночевать, что его привлекают приходы, уходы, свидания, но не привлекает общая жизнь, общая постель... А летом роман заканчивается одновременно с закрытием театра. С началом сезона одна исполнительница главной роли заменяется другой.

– Теперь это уже не имеет значения, просто любопытно – он не половой гигант, он обычный мужчина, зачем ему нужно, чтобы была я – и она? Она милая, мы дружили, но – зачем? Чтобы в его жизни было как в театральной программке, «роли исполняют» – и две фамилии, звезда и дублерша?.. Он же не невротик, которому нужно лавировать между влюбленными в него женщинами, а трезвый, даже вполне цинич-

ный человек... Нехорошо, что я с тобой так откровенно, как с подругой, но... Ты что-нибудь понимаешь?

Подумаешь, «половой гигант», подумаешь «циничный человек», я и не такое слышала. Каждая его подруга вовлекала меня в свои отношения с ним.

– Да, понимаю... нет, не понимаю, – уклончиво сказала я. Это не полный ответ, как требуют на уроках.

Зачем Санечке нужна была «роль второго плана», не понимает ни одна «главная роль». А я понимаю! У Санечки вообще не звезда и дублерша! Дублерша может при случае сыграть вместо звезды и даже иметь успех – они играют одну и ту же роль. А «она» никогда не борется за Санечку, никогда не станет главной. «Она» – роль второго плана, это ДРУГАЯ роль.

Санечка всегда ведет себя одинаково: ничего не скрывает, не оправдывается, не защищает свое право иметь любовницу при другой любовнице, а словно пожимает плечами – вот такие предлагаемые обстоятельства.

– У него скоро кто-то появится, опять какая-то чужая тебе женщина... У него донжуанский комплекс, а у тебя может быть душевная травма...

Душевная травма? У меня?.. Любовная жизнь Санечки, его подруги, сменяющие друг друга с началом театрального сезона, – это мои предлагаемые обстоятельства. Санечка принадлежит мне. Никто никогда не вмешается в нашу жизнь, мы всегда будем без чужих!

И Санечка вовсе не Дон Жуан! «Чужих» было примерно по две с половиной новой женщине в год. Это нормально для свободного, невероятно привлекательного мужчины!

– Маруся, как ты думаешь, он меня любил? – Она сделала крошечную паузу и безразличным голосом, каким всегда задают главный вопрос, спросила: – А ты как думаешь, он меня любил больше, чем ее?

– Любил, – заверила я, – у него в этот раз была особенная любовь, правда. Я же видела...

А что? Я ее не обманула. Санечка ко всем нежно относится, он вообще полон любви к жизни и ко мне. Ее Санечка тоже немного любил.

Но он не понимает, что женщина, которую он вчера обнимал, думает, что его обнимания что-то значат. И хочет услышать от него какие-нибудь нежные слова. Например, «я буду скучать».

– Я буду скучать, – грустно сказала я, чтобы она не думала, что мы легко без нее обойдемся, – мы будем скучать.

– Приходи к нам в галерею, у нас Кустодиев из частных собраний, тебе обязательно нужно посмотреть, – сказала она.

Мы расцеловались, пообещали звонить друг другу – мы же друзья, и она ушла.

– Маару-усь, приде-ешь? – Она стояла внизу, махала мне рукой и посылала воздушные поцелуи.

– Да-а! – крикнула я, перегнувшись через перила.

Я приду, конечно, в ее галерею – кто же не хочет посмот-

реть Кустодиева из частных собраний! Но мы уже никогда не будем так близки, это будет обычное светское общение. Ну... немного грустно, как всегда, когда что-то уходит из твоей жизни. Она искусствовед, пишет диссертацию по художникам Серебряного века. Мы с ней часами бродили по корпусу Бенуа.

Моя СИТУАЦИЯ кажется странной, в лицее меня жалеют, что у меня нет мамы. Но если бы они видели эту череду красавиц, которые водили меня за ручку! У меня нет мамы, но зато у меня были мамки-няньки. Мне внутри моей СИТУАЦИИ не странно, а хорошо.

«Мамки-няньки» – так Санечка называл своих подруг, когда я была маленькая. Они нужны были ему не только как любимые женщины. Мы с ним были два дружка, но все-таки ребенка нужно покормить, отвести в поликлинику, в музыкальную школу.

Вот они, Санечкины подруги, мои милые мамки-няньки в порядке моего взросления:

Номер один. Что я о ней помню? Куриный бульон, котлеты, кисель. Помню ее любимый вопрос: «Можно я буду твоей мамой?» Я была еще маленькая и отвечала без хитростей «нельзя, у меня уже есть мама – Санечка».

Номер два. Кажется, не она за мной присматривала, а я за ней. В первом классе я пропустила целую четверть, потому что ей было лень водить меня в школу. Мы с ней целыми

днями валялись на диване, ели пирожки и пирожные. Она говорила подругам по телефону, что она хорошая любовница. На мой вопрос, что это такое, она ответила: «Ты еще маленькая, поэтому я тебе не расскажу, но знай: сексуальный контакт должен быть неожиданным, мужчинам нужно разнообразие, самое главное, чтобы мужчине было хорошо в постели». Я попросила Санечку, можно она будет по очереди спать с ним и со мной?

Жаль, что после этого я больше никогда ее не видела. Она меня красила, наряжала, вертела и щекотала, как куклу.

Номер три. Каждое свое дежурство по мне водила меня на концерты. Ее любимый вопрос: «Ты хочешь, чтобы мы с тобой всегда так жили? Когда ты скажешь ему, чтобы мы всегда так жили?» Я отвечала – завтра скажу.

Номер четыре. Ни полшага из дома, ждала Санечку. Просила меня: «Скажи ему, что я тебя очень люблю». Я кивала головой – скажу...

Когда я стала взрослеть, от них уже требовались не котлеты и кисель, а «дружба с бедной одинокой девочкой, пока он в театре».

Санечка пользуется успехом у женщин, ПОЛЬЗУЕТСЯ тем, что женщины от него без ума, и от этого его ребенок получил хорошее разностороннее воспитание. Нет, правда – мамки-няньки все вместе хорошо меня воспитали. Все они были красивые, умные, тонкие женщины. Одна, кинокритик, любила итальянский неореализм – было интересно не про-

сто смотреть кино, а анализировать. Другая, филолог, занималась обэриутами, и когда другие еще читают «дядю Степу», я бормотала Хармса, Введенского, Олейникова. А учительница музыки часами сидела со мной за роялем, словно моя пятерка на концерте была для нее выражением любви к Санечке.

Каждая мамка-нянька так хотела Санечку, что искренне старалась добиться моей любви. А я чувствовала себя вовсе не девочкой без мамы, а ЦЕНТРОМ МИРОЗДАНИЯ. Захочу я, мамка-нянька останется надолго, а захочу – исчезнет.

Но они исчезали сами. Они были интеллигентные, умные, тонкие, увлекались искусством, но главное слово для них одно на всех – дура. Каждая из них думала, что он никого не любил, а именно ее полюбил. И даже забывали, что есть «она», роль второго плана.

К концу театрального сезона, когда они чувствовали, что Санечка отдаляется, почему-то всегда ставился вопрос – женится или не женится.

Первый раз я помогла ему случайно. Заплакала и сказала: «Не хочу, чтобы Санечка женился»... Бедная нянька жарила котлеты и вытирала мне нос, а я так однозначно решила ее судьбу.

Санечка посмотрел на нее с выражением «вот видишь, что я могу сделать», а на меня нежно. Поблагодарил без слов. А потом сказал кому-то: «Маруся самая умная в семье. Теперь я не плохой любовник, а, напротив, благородный человек,

который пожертвовал ребенку своей личной жизнью».

Санечка не любит выяснять отношения, говорить «между нами все кончено». Он расстается со своими подругами, как я в детстве, просто откладывала в сторону надоевшую игрушку. Я же не говорила кукле «все кончено»! Кукла, которая вчера смеялась и плакала, мгновенно становилась неживой. За что ее жалеть, если она неживая?.. Мужчины вообще такие – равнодушные, безжалостные, не говорят ничего, а просто исчезают, уплывают, растворяются.

Я всегда понимаю, когда Санечка хочет от романа освободиться. Не то чтобы я обычно расстаюсь с его женщинами за него, но я ему помогаю, подыгрываю. Мы с ним никогда не сказали об этом друг другу ни слова. Слова сделали бы все это стыдным, неприличным. Каким-то театральным.

Когда Санечка был дома, я от него не отходила. Я все детство простояла на кухне за спинкой его стула, придерживая Санечку за рубашку, чтобы он никуда не делся.

Гости спохватывались: «Что мы говорим, здесь же ребенок! Ребенок, уйди!» Но я очень тихо стояла, и обо мне забывали. А когда я начала принимать участие в разговорах, все удивлялись: «Смотрите, наш-то ребенок знает слова аутентичность, сублимация и оральный секс, когда другие дети знают только „идет бычок, качается“».

Потом я начала принимать участие в жизни. Я всегда первая говорю, кто из наших знакомых поженится, кто разведется.

Может быть, вам кажется, что я плохая? Что я должна быть невинным ребенком, а я самая настоящая опытная женщина?

Но разве девочка, растущая в нормальной семье, обязательно невинный ребенок?

Да, я знаю все «волнения любви» моих мамок-нянек. Слезы, измены, обиды, бурные примирения. Зато весь калейдоскоп любовных историй – это воспитание чувств.

А одна девочка рассказывала мне, что ее родители не любят друг друга, что семейные обеды страшная скука, что у них скандалы. Что же, дети, которые видят, КАК их родители не любят друг друга, они невинные?

Разве девочка, которая показала мне картинку, на которой крупным планом – фу!.. Она невинный ребенок?! Но в сексе же нет ничего запретного и грязного! Секс вообще меня не интересует. Я так давно все об этом знаю, как будто я родилась с этим знанием.

Если я говорю: «Санечка с ней спит», это не означает, что я фамильярничаю и не испытываю уважения к взрослым! А если взрослый человек говорит: «Он с ней спит»? Никто же не думает, что он испорченный или не испытывает уважения к другим взрослым. Для взрослых это естественная часть жизни и разговоров и для меня тоже!

Может быть, вам кажется, что гости и мамки-няньки меня испортили, что нехорошо девочке вмешиваться в жизнь

взрослых, но я не ВМЕШИВАЮСЬ, это моя жизнь.

«У Маруси талант и интуиция, Маруся знаток человеческих душ», – говорит Санечка.

Вы тоже могли бы стать знатоком, если бы все детство простояли за спинкой стула.

Уже холодно, все сидят внутри. Я одна на веранде. Можно попросить плед, они дают смешные пледы в крупную клетку. За соседним столом сидит М. Он гений.

Он гениальный петербургский театральный актер. Он Несчастливцев, усталый трагик. М. играл во многих наших театрах и сейчас играет у Санечки.

Он не просто играет спектакль, он исследует свою душу. Кроме репертуара, играет моноспектакли – Хармс, Лермонтов, Мандельштам. Он грустит один со стаканом какого-то спиртного, не замечает меня, что я ему? – девочка, по уши завернутая в плед.

...М. вдруг встал, наклонился ко мне:

– Вы любите солнце в Питере? Питер – это Достоевский и Гоголь, в Питере должно быть серо.

И ушел.

Какой красивый вопрос – вы любите солнце в Питере?

Я не люблю солнце в Питере. Это не депрессия, а просто в Питере должно быть серо, от этого не грустно, Питер – это Достоевский и Гоголь. Вот смешно – встретить на веранде родственную душу – не Гоголя, конечно, и Достоевского, а

Когда я прогуливаю целый день, я всегда до чего-нибудь додумываюсь, поэтому день прогула – это на самом деле ДЕНЬ ЗНАНИЙ. Что я сегодня узнала? Если сидеть на веранде одной, закутаться в плед почти с головой так, чтобы торчал только нос, и смотреть вниз, все кажется легким, невесомым, как перышко, и невеселое тоже кажется невесомым, и все, абсолютно все кажется маленьким, маленьким и неважным, вьется у земли, и – раз, и полетело.

Моя другая жизнь

От моей кровати до моей парты несколько минут бега, не меньше четырех, но не больше пяти.

Лицей было бы лучше назвать не лицей, а лицейка – в лицее всего 10 человек. Но в уменьшительно-ласкательном «лицейка» есть пренебрежительный оттенок, а лицей не заслуживает пренебрежения.

Воспитательная идея лицея в том, что все вокруг тупое, а мы особенные. У нас ограниченный контакт со средой, все, что вокруг, – у нас этого нет. У нас нет ничего, что есть в обычной школе, – раздевалка, мешки со сменной обувью, исцарапанные парты с прилепленной жвачкой. Нет дневников, отметок, матерящихся подростков с пивом, замученных учителей, которые не читали Джойса. Мы не в этом городе, не в этой стране, не в этом мире. Или наоборот – это ОНИ не в этом городе, а мы как раз в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

Образовательная идея лицея в том, что одаренные дети не должны обучаться по школьной программе, это тупо. Мы учимся во флигеле Аничкова дворца, в залах с лепниной, все наши преподаватели работают в университете, они кандидаты и доктора наук.

Обычную школьную программу мы проходим два дня в неделю все вместе. В эти дни я сижу на веранде у Казанского собора. Остальные дни каждый человек учится по своему

плану. У кого-то главный предмет математика, у кого-то европейские языки, у меня главный предмет – общая прелесть жизни. Мне углубленно преподают литературу, историю искусств, психологию.

Такое обучение в отрыве от мира стоит очень дорого, но Санечка держит меня здесь, как редкого жука в банке, потому что ему так спокойнее. Он говорит: «После того, что мы пережили, я хочу хотя бы в этом смысле быть за тебя спокоен». «Хотя бы в этом смысле» – пиво, ранняя беременность, жвачка, курение в туалете, Санечка может быть за меня совершенно спокоен – у нас этого нет.

Я живу там, где люди не живут. Все так говорят: «Здесь люди не живут!» Мы живем в нереально красивом месте. Жить здесь странно, как будто ни с того ни с сего поставил свою кровать в зале Эрмитажа.

Представьте себе, что вы стоите на Невском. Перед вами Екатерининский сад, за памятником Екатерине желтый с белыми колоннами Александринский театр, слева павильон Росси и Аничков дворец, справа Публичная библиотека. Это самое красивое место в Петербурге! Кто-то из великих французов сказал – невозможно быть негодяем, если каждый день смотришь на красоту Парижа. Это неправда, конечно, можно быть негодяем! Но это и правда – если живешь в красоте, невозможно быть **ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ** негодяем. Если каждый день дух захватывает от великолепия барокко и классицизма, то дух становится лучше.

Представьте себе, что вы прошли сквозь Екатерининский сад к угловому дому, поднимаетесь по лестнице, на третьем этаже стараясь не шуметь, открываете дверь ключом, попадаете в тамбур, где находятся две квартиры, и тихо-тихо на цыпочках прокрадываетесь мимо первой квартиры, и вдруг открывается дверь, и оттуда высовывается рука и – цап за плечо!

И так каждый день.

У меня дома Зверь – сидит в засаде.

– Ко мне! – скомандовала Вика и потянула меня за воротник к себе.

Вика – моя бабушка, по прозвищу Зверь.

Моя главная жизнь

– Садись, – велела Вика, и я уселась на гинекологическое кресло.

– Оргазм – это заблуждение непрофессионалов. Что женщина должна иметь оргазм, это глупость! – сказала Вика, побрызгала духами «Vulgari» носовой платок, вытерла пыль с туалетного столика смоченным духами платочком. Выглядит она при этом совершенно как лектор, который читает лекцию большой аудитории, – интонационно выделяет главную мысль и делает паузу, словно я за ней записываю.

– Оргазм не нужен женщине для продолжения рода, поскольку основной задачей женщины является беременность,

вынашивание, роды, – сказала Вика, позвякивая браслетами и цепочками. Мы с Викой одеты одинаково – на мне джинсы и черный свитер, и на Вике джинсы и черный свитер, только у меня это просто одежда, а у Вики – концепция, она хочет выглядеть как богемная ленинградская девочка своей юности. Но ей мало быть девчонкой-хиппи, она хочет быть богатой дамой, поэтому на ней всегда одежда из разной жизни – солдатские ботинки и золотая сумка, рваные джинсы и норковая шуба, бриллианты и войлочные бусы, и все это кричит – эй, алло, Вика не дура, чтобы остановиться на одном имидже, Вика хочет быть все-ем!

– По исследованиям не помню кого, в тысяча девятьсот не помню каком году, не помню сколько процентов женщин могут иметь оргазм, а остальные – нет. Это я тебе как профессионал говорю.

Какой профессионал? Врач, ученый-биолог, сексолог, проститутка? Если спросить у Вики, она отмахнется, – профессионал и все.

– Когда у тебя будет первый секс... Я сама тебе скажу, когда уже будет можно. Так вот, нужно, чтобы ты не была сильно влюблена в своего первого мужчину, иначе это не будет чистый опыт, ты можешь перепутать оргазм с восторгом... или с ужасом.

Можно было бы подумать, что действие происходит в сумасшедшем доме. Но действие происходило не в сумасшедшем доме, а в моем родном доме.

С чего начать, с гинекологического кресла?.. У меня есть комната «дома у Санечки» и «дома у Вики». Дома у Санечки, в большой, парадной квартире с окнами на Александринский театр, у меня совершенно неподходящая для девочки спальня-будуар с зеркалами и тремя (тремя!) антикварными комодами, но нет нормальной кровати и письменного стола, уроки я делаю на кухне, а сплю на изогнутой кушетке. Дома у Вики, в небольшой квартире с окнами на Казанский собор, у меня нормальная кровать, шкаф, письменный стол и гинекологическое кресло. Я складываю на него одежду, сижу на нем, разговариваю по телефону. У Вики все стены завешаны картинками, все поверхности заставлены безделушками, Вика никогда ничего не выбрасывает, и, уж тем более, она не выбросила гинекологическое кресло. «Это память о моем отце, знаменитом гинекологе», – объясняет Вика гостям. Как будто гинекологическому креслу полагается быть в доме гинеколога, как в доме моряка положено быть кортику, а в доме учителя – школьным выпускным фотографиям. На самом деле ее отец тайком вел домашний прием, и по оставшейся с тех лет привычке Вика продолжала считать, что это семейная тайна.

Дальше. Почему бабушка разговаривает с внучкой не про пирожки и горшочек масла, а про оргазмы? Да очень просто – Вика всегда говорит о том, что ей хочется. Это ее принцип – зачем делать вид, что человеку в 14 лет интереснее про пирожки или уроки, чем про оргазмы? Вика ходит в уни-

верситет на открытые лекции «Психология и физиология» и потом пересказывает мне. Она профессионал в учебе – любит учиться, любит блокноты, дневники, зачетки и прочую канцелярию, любит сказать «у меня завтра экзамен». У нее есть настоящий диплом инженера и много игрушечных дипломов, которые ей выдали на разных курсах, у нее есть даже диплом программиста.

Вика всегда собирается применить очередной диплом на практике. Сейчас Вика хочет стать психологом, получает психологическое образование дома. Это ей идеально подходит, чтобы считать себя профессионалом в любой области знаний.

Что еще? Вика вытирает пыль надушенным платком, а пол моет крошечной бумажной салфеткой. Это тоже просто – у нее нет пылесоса и швабры. Санечка говорит: «Викон, ты перфекционистка, не признаешь изнанку жизни». В Викиной жизни должно быть только красивое. Пылесос и швабра некрасиво, быть бедной некрасиво, быть одинокой некрасиво... что еще?.. Ну, конечно, – старой!..

– Маруся! Я же все-таки читаю тебе лекцию, ты хотя бы прояви интерес к лекции! Задавай вопросы! Как ты вообще учишься в лицее при таком отсутствии интереса? Спроси – а как у тебя? – сказала Вика готовым к скандалу голосом.

– А как у тебя? – вежливо спросила я. Знаю я все про Вику и ее оргазмы, знаю, какие у нее были замечательные любовники, могу назвать по именам всех восемнадцать.

И еще – почему у Вики прозвище Зверь?

Но как нам ее называть?

Санечка любит рассказывать, как я в детстве громко объяснила гостям:

– У нас Санечка ничего не делает, руководит театром, у нас главная Вика... Знаете, как Санечка называет Вику, когда ее нет дома?

– Не надо! Не говори! – полуобморочными голосами вскричали гости.

– Нет уж, деточка, скажи... – елейным голосом попросила Вика, и я при общем молчании торжественно объявила:

– Он говорит: «Вика Марусе бабушка, а мне ТЕЩА».

Страшно представить, КАК Вика улыбнулась Санечке!.. Санечка с Викой не могли меня поделить и не могли прийти к согласию по поводу моего воспитания, но ведь в нормальной семье так и полагается, что теща ссорится с зятем из-за воспитания внучки.

Быть бабушкой или тещей Вике кажется некрасиво, но Викина роль в нашей жизни была, конечно, не «бабушка с обедом», ее роль – шум за сценой.

Мы с Санечкой, как непослушные дети, все от нее скрываем, чтобы она нас не ругала. На всякий случай мы скрываем от нее не только плохое, а вообще все. Приблизительно раз в три дня над нами проносится буря. Скандал может разразиться по любому поводу: неправильное питание у меня, неправильные гости у Санечки, неправильный режим

дня у меня и Санечки, плохое настроение – у самой Вики. Мы с Санечкой за глаза называем Вику Зверь, а Вика называет Санечку – этот человек. Санечка очень властный, как Карабас-Барабас. Говорит, что в театре должна быть сильная рука – его рука, а актеры как дети. Но это в театре он Карабас-Барабас, а дома у нас Вика Карабас-Барабас. А Санечка послушный Пьеро, а если не слушается, то исподтишка.

Вика сидит в засаде у приоткрытой двери, подкарауливает Санечку. Санечка уходит из дома с виноватым лицом и возвращается с виноватым лицом, старается проскользнуть мимо Вики.

Как будто он пришел домой под утро пьяный! Как будто он не главный режиссер театра, а загульный сантехник!

Вика из-за приоткрытой двери громко спрашивает сама себя: «Этот человек помнит, что у него есть ребенок? Что ребенок один спит?» Потом можно различить: «Ты!.. Я!.. Я же хочу как лучше!.. Ради девочки! – Ради меня Зверь сидит в засаде и следит, когда главный режиссер придет домой после спектакля и с кем.

– Задержался... – чуть более высоким голосом, чем обычно, объясняет Санечка, – Викон, спи спокойно, я уже тут, с тобой.

– Ребенок спит! Не разбуди! – рывкает Вика, и они расходятся по домам.

А я не сплю, я всегда жду Санечку. Почти каждый день он

приносит мне какой-нибудь подарок, я в детстве мучилась – чего я больше жду, Санечку или подарков? А теперь я выросла и знаю – подарков, конечно. Это, конечно, шутка.

– Маруся, ты спишь? – кричит Санечка с порога и тут же спрашивает: – Ты сегодня была у Зверя? Ну, как она тебе показалась, ничего?..

Моя другая жизнь

Но меня все-таки волнуют эти Викины разговоры – «когда у тебя будет секс...», «когда у тебя будет оргазм...», «не перепутай оргазм с ужасом...». Я же подросток, во мне просыпается сексуальность.

В смысле секса и любви – у меня флирт с Атлантом. Я прихожу к нему, люблюсь его невыносимой красотой. Иногда прикасаюсь к его ногам, а иногда мы с ним вообще обходимся без телесного контакта.

Я пошла к Атланту и погладила большой палец на ноге. Я долго гладила, и вдруг – странное незнакомое чувство внутри. Как будто все сладко задрожало. У меня было, как написано у Набокова, «сладкая спазмочка». Значит, это и есть оргазм?

Я не могла перепутать его с ужасом, потому что Атлант не живой человек, я его не боюсь. Но с восторгом могла перепутать.

Почти совершенно точно это и есть оргазм.

Моя главная жизнь

Катька смеялась, когда я ей рассказала. Очень смеялась, но не надо мной, а как всегда – просто смеялась. Сказала: «Маруся, твои отношения с Атлантом развиваются». А я сказала: «Только не говори Вике».

– Атлант невыносимо прекрасен, так? Это был оргазм от его красоты, так? Тогда у меня вопрос, – сказала я, – если оргазм происходит, в сущности, от красоты, КАК можно испытать оргазм с человеком, у которого лысина или живот?

– У Санечки нет лысины и живота. Знаешь, сколько? Сколько он со мной не спит?.. Три недели и три дня. Так еще никогда не было...

– Врешь, было, – сказала я.

– Честное слово, три недели и три дня! Я не обманываю!

– Ты врешь, что так никогда не было. А в прошлом месяце кто говорил то же самое?!

Катька актриса в Санечкином театре, единственная актриса в Санечкиной жизни. Кроме нее, у Санечки не было ни одной актрисы. В театре некоторые говорят о Катьке: «Она ему как дальняя родственница».

Мы странные. Есть ли среди нас кто-нибудь нормальный?

На первый взгляд, Катька – нормальнее не бывает, но если приглядеться, она, может быть, самый странный человек на

свете. Катька единственная никогда не хотела, чтобы Санечка на ней женился по неспособности хотеть чего-то несбыточного и вообще по неспособности чего-нибудь ХОТЕТЬ.

Катька – красивая! Тоненькая, нежная, с облаком пушистых волос, – одуванчик, золотая головка на тонком стебельке, и на тонком стебельке вдруг неожиданно пышная грудь.

Катька – выстрел в мужчин. Все говорят, что она обладает какой-то необыкновенной сексуальной привлекательностью. Сочетание трогательной воздушности и груди как на рекламе эротического шоу – странное. Катькина манера немного неточно двигаться, как будто она бродит впотьмах, – странная. По-моему, все совершенно обыкновенно – все странное волнует.

Я слышала, как один человек сказал Катьке: «Вы очень опасная женщина, вы беззащитная и сексуальная, вызываете у мужчин одновременное желание овладеть и защитить, в вас огромная сила». Какие же глупости говорят мужчины! Ну какая в Катьке сила! Она неудачка, нелепка, вечно спотыкается на ровном месте и падает лицом в торт.

Их с Санечкой роман случился давным-давно. Санечка был еще вторым режиссером, а Катька – начинающей актрисой. Было все как со всеми: какое-то время она была Санечкиной главной ролью и моей мамкой-нянькой. А потом Санечка расстался с Катькой, но Катька не рассталась с нами.

Никто не понимает, кто Катька Санечке. Она не героиня его романа, но он с ней много лет, но одежду и белье Санечке

покупает она. Она единственная, кто остается у нас ночевать. Катька и есть «роль второго плана», которая есть всегда во всех Санечкиных романах.

Катька вдруг погрустнела...

Она ему как дальняя родственница?..

А вот и нет! Во-первых, не дальняя, а близкая, член семьи. А во-вторых, Санечка с ней спит. Обычно раз в две недели. Я всегда знаю, когда Санечка с ней спит. Если Санечка долго не обращает на нее внимания, она становится особенно неловкой, как будто сама себя стесняется. А после этого она всегда смущенная и гордая. Иногда я просто это вижу, а иногда Катька сама говорит мне застенчиво-смешливым голосом: «Он исполнил супружеский долг». Или: «Пусть он спит со мной по привычке, но это же ХОРОШАЯ привычка».

Санечка с ней иногда нежен, иногда груб и всегда делает, что хочет. Как будто Катька такой милый предмет домашнего обихода. Вышитая подушка, любимая чашка или скороварка, в крайнем случае, кошка, захочет – погладит, захочет – оттолкнет. Театральные все над Катькой подсмеиваются. Актрисы, костюмерши, гримерши, билетерши, все считают, что Катька «не уважает себя... позволяет себя... не умеет за себя...». Она и правда не уважает, позволяет, не умеет, но ей и не надо!

Но они все не понимают, не могут судить! Санечка никогда не делает ей по-настоящему больно. А если он отпускает ее от себя (они все же иногда ссорятся), то быстро притяги-

вает обратно. Он сам ей звонит и говорит «приходи».

Санечка говорит: «Я не дурак отказываться от такой ненавязчивой и нескучной преданности». Но это не шутка. Он живет как хочет и на всякий случай как бы придерживает в своей жизни Катьку – а вдруг ее нежное участие при случае пригодится?.. Как будто поставил на полку в задний ряд баночку варенья на черный день, и можно не глядя протянуть руку – а у нас там вишневое варенье! Варенье – это не очень изысканно, но в черный несладкий день сладко.

Это очень умный эгоизм.

– Но ты же знаешь его теорию: когда он репетирует, должно быть воздержание, сублимация сексуальной энергии в творчество, иначе – плохая репетиция и вообще провал.

– Да ну, ерунда, – отмахнулась Катька, – может быть, у него новый роман? Что делать?

Катька любит драматизировать, нагнетать, смотреть убитыми глазами, спрашивать, «что делать?».

– Милая моя, кроме тебя, у него никого нет и никогда не было, – нежным голосом сказала я.

Катька фыркнула и я тоже – во-первых, кроме Катьки, у Санечки было сто миллионов женщин, а во-вторых, эта фраза из одного старого фильма. Мы с Катькой все время цитируем старое советское кино, как будто у нас свой собственный язык, тайный от всех, – никто не знает старое советское кино, как мы.

– Ты останешься ночевать, – решила я.

– Нет. Нет и нет, – наотрез отказалась Катька. – Глупо навязываться человеку, который тебя не хочет.

– Не глупо. Хочет, – втолковывала я.

Уверяя, что она ни за что не останется, Катька последовательно вытащила из сумки: старого вислоухого зайца, потрепанный томик Новеллы Матвеевой и горсть желудей. Напевая «любви моей ты боялся зря, не так я стра-ашно люблю...», ссыпала желуди в вазочку.

Катька всегда ночует у нас со своим детским зайцем, стихами и вазочкой. Для нее очень важны мелочи, совершенно незначачие для других людей, к примеру, этот ее ночной заяц или противозачаточные таблетки, – она держит свои таблетки в крошечной фарфоровой баночке в шкафчике в ванной, говорит, что носить таблетки в сумке неприлично.

Катька всегда что-нибудь приносит: летом полевые цветы, осенью листья или желуди, зимой слепленный снежок. Иногда мне кажется, что это я взрослая, а она маленькая прелестная девочка.

– Наконец-то выбрала пароварку! – сказала Катька. – Это очень модная хорошая вещь. Теперь Санечка будет есть диетическую еду. Я долго смотрела в Интернете и, наконец, выбрала, со специальной крышечкой. Завтра у меня нет репетиции, и я буду ее целый день ждать, – сладострастно сказала Катька.

– Жди у нас, – предложила я.

– А можно? – обрадовалась Катька. Она как ребенок, как будто не знает, что я мечтаю провести день с ней вдвоем.

Все Санечкины любовницы хотели, чтобы я их полюбила, а она полюбила меня. Катька сначала меня вырастила, а теперь подчиняется, я полностью ею владею, как человеком, в чьей любви абсолютно уверен. Я думаю, что ребенок так владеет матерью, хотя точно не знаю – откуда мне знать? Катька могла бы быть моей мамой, мне 14, а ей 38. Я называю Катьку «мама-Катька», когда я одна и никто не слышит, как я думаю.

...Санечкин голос в прихожей:

– Раздевайтесь, проходите. Будем пить кофе?

Какая она? Судя по смешку – хи-хи-хи, – опять блондинка-в глазах надежда. У Санечки период «эпизодов».

Вот черт! Пошлая неловкая сцена!

– ...Санечка! Мы с Катькой дома! – закричала я. – Здравствуйте, – сказала я и прошептала Санечке: «Где ты ЭТО взял?!»

И в следующую секунду поняла, что машинально поздоровалась с ней как со знакомым человеком.

Она не блондинка-в глазах надежда и не «Где ты ЭТО взял?!», она – лицо с экрана телевизора.

– Здравствуйте, – застенчиво сказала Катька, – а у нас тут... новая пароварка...

Катька мгновенно теряет уверенность в себе и от смущения вечно что-нибудь ляпает! Лицо из Телевизора, а она со

своей пароваркой!

– Мария, – представилась я.

– Катя, – сказала Катька.

А Элла не представилась, но мы и так знаем, как ее зовут.

У Эллы, возможно, вообще самое известное лицо после президента.

Значит, она самая большая знаменитость после президента? Ее лицо повсюду: в витринах киосков, на плакатах в магазинах. Если включить телевизор, на одном из каналов непременно найдется Элла. Она ведет ток-шоу, угадывает мелодию, оценивает чужие таланты, учит любить, разводиться, воспитывать детей.

Она всегда во все игры выигрывает. Она вся сжимается перед тем, как ответить, как будто от ответа зависит ее жизнь, и всегда выигрывает. На экране она выглядит иначе – моложе, не такой высокой, худой и хищной. Наверное, ее специально гримируют, делают лицо помягче и поуютнее.

Конечно, мы с Катькой разволновались, не каждый день в гости приходит Лицо из Телевизора, из киосков, из магазинов! Элла – знаменитая писательница, пишет любовные романы.

Но если не знать, что она самая большая в стране знаменитость, можно подумать, что она пристала к Санечке где-то в ресторане. А что еще можно подумать о крашеной блондинке в сексуальном наряде? Ярко-синее платье с блестками и большим декольте, ярко-зеленые туфли на шпильках. Она

крашенная блондинка с лицом брюнетки – жесткий взгляд, хищная зубастая улыбка.

Кто выгядит моложе: Элла или Катька? Катьке я знаю сколько лет – 38, а Элле?.. Я не могу точно определить возраст человека старше 18. Только приблизительно – 20, 30, 40, 100. Элла, наверное, моложе. Или Катька. Они такие разные, кто моложе: кастрюля или кактус, акула или одуванчик?

– Будем пить кофе, присоединяйтесь к нам... – пригласила она нас с Катькой.

Она первая пригласила меня у меня дома?..

Лицо из Телевизора прошло на кухню, уселось в кресло у окна.

Элла сидела очень прямо, скрестив длинные сухие ноги. Мы с Катькой гостеприимно роились вокруг с чашками, конфетами и мандаринами, а она не обращала на нас никакого внимания. Как будто мы домашние животные. И даже не собаки, о которых принято сказать: «Ах, какие хорошенькие у вас собачки», а две рыбки в аквариуме, плаваем с конфетами и мандаринами и безмолвно тарасимся на нее через стекло.

– Александр, я принесла вам мою первую пьесу, – сказала Элла.

Вот оно что! Теперь понятно, откуда у нас дома взялось Лицо из Телевизора! Пришло в театр, заглянуло в репетиционный зал – медийному лицу всюду можно, – познакомилось с Санечкой, напросилось в гости, чтобы в непринужденной обстановке уговорить его взять пьесу.

– Я написала шестьдесят пять романов. У меня миллионные тиражи. Лично вы можете относиться к моему творчеству как вам угодно, но... Не улыбайтесь так иронически.

Санечка – интеллектуал. У него ум и образование. Он питерский интеллектуал, на все смотрит иронически, с высоты своего ума и образования. И улыбается немного кривой улыбкой. Это значит – «ну-ну...» или «что поделывать, такие времена...». Как может питерский интеллектуал с вечной полуулыбкой относиться к ее ярким книжечкам в мягких обложках? Как к тупому юмору, ток-шоу, к киоскам, которые поставили у Зимнего дворца. Как к неизбежному злу, которое и замечать-то глупо, все равно, что ввязаться в склоку в трамвае.

Санечка промолчал, но неизбежное зло не смутилось.

– ...но к славе нельзя относиться иронически. Вы можете презирать любовные романы как жанр, но не ТАКУЮ славу. Меня любит вся страна...

Элла нажала кнопку на пульте от телевизора, который валялся на кухонном столе, и в нашей кухне стало две Эллы, одна пила кофе, а другая, на экране, сказала: «Если любви нет, лучше расстаться, ревность разрушает отношения».

Я иногда включаю телевизор как фон, и она там разговаривает. Элла говорит четко и гладко и часто начинает фразу с «я считаю» и «я думаю». А я всего-то два раза на уроке сказала «я думаю», и наш преподаватель с филфака сделал мне замечание: «Следи за речью! “Я думаю” придает выска-

занной мысли излишнюю значительность, а наша мысль не всегда того стоит».

Элла, между прочим, тоже не говорит ничего умного! Кто же не знает, что, если нет любви, лучше расстаться? Она аккуратно повторяет общие места. Телезрителям, наверное, нравится, что она знает не больше их, а добилась такого успеха.

– На мое имя на афише зрители валом повалят. Вы вообще представляете, сколько у меня поклонников?! Мил-ли-оны. ТАКУЮ славу нужно использовать. Это здравый подход.

У нас дома часто за столом сидит человек, которого в это время показывают по телевизору. Чье имя стоит на развешанных по городу афишах. Но никто не говорит с таким напором «я, мое имя, меня любят...»! И вообще, у нас дома никогда не бывают крашенные блондинки в декольте с хищными лицами, они где-то там, на улицах.

Но эта крашенная блондинка – **ОЧЕНЬ** знаменитая! И от этого кажется, что все это совсем другое... не безвкусное хвастовство, а другое. Элла уговаривала, убеждала, наваливалась на Санечку всей своей славой, говорила спокойно, размеренно. Я даже стала ритмично кивать головой в такт ее словам, как будто загипнотизированная. И Санечка больше не улыбался иронически, он ее слушал! Что это такое магия успеха, магия ТАКОЙ славы?..

– Вы на моей пьесе хорошо заработаете, – привела Элла последний аргумент и замолчала.

– Лучше пусть заработают другие, – благожелательно отозвался Санечка, – за что мне оказывать такое предпочтение, не лучше ли предложить пьесу в другой театр?

– Вы хотите, чтобы заработали другие? Это ненормально, – изумилась Элла и стукнула рукой по столу. – Все. Я заканчиваю переговоры. Я озвучила свое предложение, а вы думайте. Посмотрите пьесу. Даю вам время до послезавтра. Если нет, я назначаю встречи в других театрах. Хотите знать, в каких?

Санечка покачал головой, но Элла все равно перечислила несколько петербургских театров.

Санечка сказал – ну и тетка! Просит у жизни счастья, как одесский беспризорный милостыню: «Дяденька, дай пятак, а то в морду плюну, а у меня сифилис».

Это какая-то цитата? Часто не понятно, что он сам говорит, а что цитата.

– Как надо просить у жизни счастья? – спросила я.

– Этому не научишь, – ответил Санечка.

А Катька просит счастья так: «Может быть, я могу попросить у тебя пятак, если он тебе самому не нужен... что, не дашь?.. Ну хорошо, ну ладно...»

Включили телевизор – там Элла, обсуждает влияние кризиса на культуру, переключили канал – Элла играет в «Поле чудес».

– Она повсюду, повсюду, здесь все – Элла, – завывающим

голосом сказала я.

– Нехорошо обсуждать человека, который только что ушел, – строго сказала Катька, сунув мне в руку губку для посуды, – лучше возьми Эллу и вытри со стола.

Я засмеялась и плюхнулась в кресло в углу.

– Осторожнее, ты уселась на Эллу, – укоризненно сказала Катька.

Весь вечер мы говорили вместо «передай мне соль» – «передай мне Эллу», вместо «положи мне котлету» «положи мне Эллу» и хохотали до колик в животе.

У нас был чудный вечер. Как будто к нам залетело что-то чужеродное. Мелькнуло и пропало, и мы остались втроем и любим друг друга с полуслова.

Потом я начала зевать.

– Я пойду спать, уже десять часов... – сказала я.

– Ты никогда не ложишься раньше двенадцати, – удивился Санечка, – ты не заболела?

– Нет, просто очень хочу спать. Катька, тебе глупо ехать домой, у тебя завтра репетиция... У меня рукав у куртки оторвался, ты мне утром пришьешь? Мне не в чем в лицей идти, – быстро сказала я, – ...Катька, ты меня разбудишь? И сделаешь омлет, ладно?

Я не первый раз так делаю – разыгрываю сцену, что Катька остается ночевать потому, что я ее прошу. Катька мнетя, краснеет. Ее так легко смутить, как будто это я актриса, а она не актриса.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, хрячок, – ответила Катька. Хрячок или хряк – это наше домашнее слово, мое и Катькино, говорится изредка, в приступе нежности.

Моя другая жизнь

Сегодня у нас событие. Новый мальчик. Представьте, что вас всего десять человек, и вдруг вам говорят «новый мальчик». Вы бы тоже заплясали, запрыгали в душе – ой, новый мальчик!

Всегда думаешь – а вдруг именно сейчас что-то случится, например, влюбишься навсегда. Что для меня будет этот новый мальчик – Событие Невероятной Важности, или Так Себе Событие, или Вообще Ерунда?

На вид новый мальчик одаренный. Не то чтобы все наши одаренные бледные в очках – прижимают к груди десять томов Брокгауза и Ефрона. Но лицейские мальчики отличаются от обычных, на улице, нездешним светом в глазах. У одного глаза светятся математикой, у другого – биологией. А у нового мальчика глаза светятся древнегреческим и латынью.

Новый мальчик похож на куколку – хорошенький, с детским лицом, и имя у него, как у куколки, Элик.

Новый мальчик находится между Так Себе Событием и Вообще Ерундой. Он маленький, не в моем вкусе.

– Вы позволите присоединиться к вам? – спросил меня

новый мальчик после уроков.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы человек 14 лет так выразался? Может, он принц?

– Латинский глагол обладает развитой флективной системой спряжения, которая, однако, несколько упрощена по сравнению с более архаичными глагольными системами древнегреческого или санскрита... – сказал новый мальчик, – а в японском языке есть класс глаголов ирреалис и реалис.

– Ты чей сын? – спросила я.

Элик сделал вид, что не слышит. Это нормально, у нас все чьи-нибудь дети, но не все хотят говорить о родителях. Наверное, он сын какого-нибудь не известного, а просто богатого человека, вот и не хочет говорить.

– А мой отец главный режиссер, художественный руководитель одного из самых старых петербургских театров. Вон того, – я махнула рукой.

Мы стояли на Невском, на Невском и на каждой улице вокруг Невского театры – Театр комедии, Александринка, Додинский театр, Театр на Литейном, Коммисаржевка, БДТ, но он не спросил, в каком театре.

– Хочешь, пойдем ко мне, – сказала я, – хочу больше узнать о реалис и ирреалис, это звучит необыкновенно красиво.

Зачем он мне?.. А затем, что пусть этот новый мальчик считается моим. Звучит расчетливо, но на самом деле нет –

я просто хочу, чтобы на всякий случай новый мальчик считался моим.

– Я не имею возможности принять приглашение, поскольку у меня другие планы, – сказал Элик и удивленно добавил: – Неужели ты здесь живешь? Я думал, здесь люди не живут.

Другие планы Элика – это машина с водителем, ждет его за Каткиным садом, у Александринки, – я подсмотрела. Он не хочет об этом говорить, стесняется, что его возят как малышку. По-моему, ничего такого, меня тоже всегда прово-

жали и встречали, Санечка с Викой дрожали надо мной как сумасшедшие – одна ни на шаг никуда! Только в этом году мне дали свободу, и я могу одна ходить в лицей, а могу сидеть на веранде у Казанского. Но не хочет говорить – не надо.

Моя главная жизнь

Элла пришла за ответом. Санечка сказал:

– Нет.

Он, конечно, сказал вежливо – «ваша пьеса не вполне подходит для нашего театра», но это было просто «нет». Я поняла, Катька поняла, – любой человек бы понял!

А Элла не поняла.

– Я вас заранее приглашаю на премьеру моей пьесы в театр вашего отца и вашего... кто он вам? – спросила Элла у Катьки.

Катька неопределенно улыбнулась. А как ей ответить – любовник, муж, друг, главный режиссер? Кто Санечка Катьке?

Почему Катька примирилась со своим положением любовницы при главной любовнице?

И КАК она играет эту свою вечную роль второго плана? Остаться со мной дома, когда Санечка со своей очередной главной подругой уходит в гости!.. Сидеть за столом, когда Санечка со своей очередной главной подругой принимает гостей?!. Нормальному человеку это оскорбительно, обидно!

Бедная Катька, любит Санечку, покорно приняла свою второстепенную роль в его жизни, привязалась к месту как кошка? Бедная Катька, бедное унылое привидение, то и дело возникающее на Санечкином пути с укоризненным выражением лица «я тебя так люблю, а ты!..»

Ничего подобного! Катька не унылое привидение, **КАТЬКА СОВЕРШЕННО СЧАСТЛИВА!** Она самый странный человек на свете.

Вот, к примеру, я – хочу быть на первом плане, на первом месте, хочу играть главную роль, хочу быть самой любимой, быть для любимого человека первой, главной и единственной! И чего я только не сделаю, чтобы быть на первом месте! Это же свойство человеческой природы!

Чего Катька только не сделала, чтобы быть на втором месте! Я же говорю, она самый странный человек на свете – роль второго плана самая естественная для нее роль. Санечка для нее как будто премьера, волнение, как будто весь свет на сцене направлен на нее. А ей хочется быть в тени, на заднем плане, а лучше вообще затеряться в декорациях. Есть люди **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ**, они весят сто тысяч килограммов, а Катька совершенно невесомый человек, ни на чем не настаивает, даже на себе не настаивает. Она вторая со всеми Санечкиными подругами, она даже со мной вторая.

Не дождавшись ответа, Элла добавила:

– Судя по вашим лицам, вы, девушки, сомневаетесь, что мою пьесу поставят в этом театре? Напрасно!.. Как вы дума-

ете, почему я стала главным писателем нашей многомиллионной страны?

– Сказали издателю, что он разбогатеет на вашей книге, дали ему день на раздумье, а иначе к конкурентам? – с невинным видом предположила Катька.

– Нет, не так. Но по сути верно – я всегда получаю, что хочу. На мне написано – успешная, знаменитая, богатая, любимая, а на тебе... – Элла по очереди взглянула на меня и на Катьку, – на тебе еще ничего не написано, у тебя еще есть шанс. А на вас – вы уж не обижайтесь, но на вас уже все написано. Совсем не то, что на мне.

Конечно, Элла не такая, как Катька. Им даже кофе пить вместе ни к чему, они совершенно друг другу не подходят. Элла ходит грудью вперед, как танк, сидит с прямой спиной. А Катька изгибается, вьется, валяется со мной на диване с мандаринами. Я хотела ответить Элле как-нибудь остроумно и зло, например: «На Катьке не написано: „богатая, знаменитая, наглая“. Но не смогла – магия успеха, Лицо из Телевизора.

– Девочки, не ссорьтесь, – поймав мой сердитый взгляд, попросила Катька. Это фраза из старого советского кино.

– Никто не ссорится, я просто с вами общаюсь. – Элла повернулась к Катьке: – Вы кто по профессии? Актриса?.. Я вас не знаю.

А если бы Элле сказали: «Вы писатель? Я вас не знаю»?.. Она бы вскинула голову и презрительно ухмыльнулась.

Сказала бы: «Это ваши проблемы». А Катька смешалась, покраснела, сжалась до размера мандариновой корки. Если бы могла, она выбросила бы себя вместе с мандариновыми корками в помойное ведро.

– ...Как вас зовут, Катя? Катя, не стесняйтесь так, я самый обычный человек, – сказала Элла, – такая стеснительность, как вообще с таким характером можно было пойти в актрисы?!

А именно и можно – Катька способна на странные отчаянные поступки, вот и пошла в актрисы. Один раз она бросилась спасать девушку от компании подростков. Боится новых людей, умных разговоров, боится самых обычных ситуаций и не боится того, чего боятся все! Все прохожие аккуратно пьяную компанию обходили, как будто идут с закрытыми глазами, а Катька! Повела себя как спаситель в кино, бегала вокруг, хватала за руки и вдруг закричала «стреляю!». Как будто ей себя не жалко, как будто она собой не очень дорожит... Подростки испугались, что на них напал одуванчик.

– Не стесняйтесь так, просто скажите, как вы думаете, почему именно Я, почему у МЕНЯ такой успех? Почему у меня все, а у других ничего?

Ясно почему. Она сама сказала – всегда хочет победить. Что ей Катька, но она и тут хочет победить.

– Вот вы, – Элла кивнула Катьке, – вы как хотите? Вы КАК хотите?

– Как я хочу? – удивилась Катька. – Ну... я думаю, как

было бы хорошо, если бы...

– Вот именно. Как было бы хорошо, если бы... но этого никогда не будет... – продолжила Элла. – Вы неправильно хотите. А я умею правильно хотеть.

Элла напряглась и, сощурившись, уставилась на вазочку с конфетами.

– Я ВИЖУ то, что я хочу. Визуализирую свое желание.

Она гипнотизирует вазочку. Как фокусник в цирке. Что она сейчас хочет? Чтобы вазочка с конфетами превратилась в кролика?

– Мой успех зависит только от моей целеустремленности и веры. Я сознательно совершаю поступки, способные реализовать мои желания. Меня никто не может подчинить своей воле, я делаю только то, что я хочу.

Элла вкратце рассказала нам свою теорию успеха.

Она знает много психологических и эзотерических терминов.

По-моему, все эти умные слова как кружева, которые нашивают на платье, а само платье скроено очень просто.

Платье Эллы без кружев такое: если чего-нибудь хочешь, нужно точно сформулировать желание, а затем сформулировать заказ. Если хочешь машину, нужно указать марку, год выпуска, цвет, цену. Хочешь новую работу – нужно указать должность, зарплату, рабочий график. Хочешь любовь – нужно точно указать, что хочешь именно взаимной любви и...

– И характеристики мужчины – год выпуска, объем двигателя, – подсказал Санечка.

Элла не улыбнулась.

– Нужно точно указать внешность, род занятий, характер. Нужно настроить подсознание, войти в контакт с Высшими Силами. Тогда Высшие Силы занимаются вашим желанием.

– Не забудьте указать номер заказа, – озабоченно сказал Санечка, – ну, а если ваш заказ спутали с чужим и выдали вам вместо красивого богатого мужчины пылесос улучшенной модели? Если не получается?

– Значит, вы плохо хотели, – совершенно серьезно отозвалась Элла.

Элла прямо завораживала меня как колдунья! Если она добилась такого невероятного успеха, значит, она не может быть просто ДУРА, значит, это все работает?..

Элла вещала, Катька смотрела на меня с таким страдальческим видом, будто ее мутит.

– Я провожу по телевизору интерактивный тренинг «Программирование успеха». Смотрите по каналу «Россия» в семнадцать ноль-ноль. Вы, милочка, мой клиент.

– Не Милочка, а Людочка, – сказала я. Это фраза из старого советского кино. Но Катька не улыбнулась.

– Но послушайте, Элла, это ужасная гадость! – резко сказала Катька, – как будто мир – это каталог товаров. Можно захотеть все, выписать себе, что хочешь, пылесос, новую машину, любовь, только не забыть описать товар! Но почему

высшие силы должны нам это дать? Почему вы уверены, что высшие силы о нас ЗНАЮТ? Да вы и не верите ни в какие высшие силы, вы просто хотите отщипнуть себе кусочек, все равно где! Это нечестно!

Санечка удивленно улыбнулся. Не то чтобы у нас часто бывают скандалы с его гостями. Катька никогда еще не устраивала приветственный скандал самой большой в стране знаменитости после президента. Она никогда не участвует в интеллектуальных разговорах, стесняется выглядеть «умной». Она вообще не любит разговаривать с чужими, у нее при чужих всегда напряженное и виноватое выражение лица. Но сейчас ее что-то сильно тронуло.

Наверное, утруждать собой высшие силы показалось ей наглостью. Катька даже у бога стесняется чего-нибудь просить, считает, что у бога и без нее много забот, что все хотят у бога что-нибудь взять. Если бы можно было что-то богу ДАТЬ, она бы дала.

– Думать, что высшие силы о нас знают, – нехорошо, – твердо сказала Катька.

Что сделал бы любой нормальный человек на месте Эллы? Извинился, сказал бы – простите, что задел ваши чувства, а теперь мне пора домой.

Что сделала Элла? Да ничего. Усмехнулась зубастым ртом, поправила желтые, как у куклы, волосы. Подумаешь, Катька, никому не известная актриса, неудачница.

На прощание Элла сказала Санечке «увидимся», а мне и

Катюшке ничего не сказала. Посмотрела на Катюшку чуть брезгливо и удивленно, как на обезьяну в зоопарке, – надо же, со всем как человек, но не человек.

Моя главная жизнь

Сегодня Вика чувствует себя одинокой.

– А у меня с утра болит... рука. Я упала на диван, – грустно сказала Вика, на ее лице выражение «учись переносить удары судьбы достойно, как я».

Откуда она упала на диван, с потолка?

– Знаешь что? Звони этому человеку, пусть отвезет меня в эту красивую клинику на Невском, заодно в Пассаж зайду... Звони! Скажи, что я сломала руку.

– Не верю, – сказала я.

Все знают фразу Станиславского «не верю!», многие слышали слова «сквозное действие» и «сверхзадача» – это «система Станиславского». Но обычные люди, не режиссеры и актеры, по-настоящему не знают, что это такое.

Вот, к примеру, Вика произносит слова своей роли: «болит рука». Можно просто произнести эти слова – испуганно, капризно или сварливо. Но – чего на самом деле хочет Вика? Ее цель на протяжении всей пьесы – быть в центре внимания, это и есть сквозное действие. Больная рука может быть и притворство, и правда. Когда ей одиноко, она может и руку сломать по велению подсознания.

Во время репетиции Санечка обычно не отвечает на звонки, но сейчас ответил.

– Вика сломала руку.

– Кому? – рассеянно спросил Санечка.

– Упала на диван, – объяснила я, – хочет в красивую клинику на Невском.

– У меня репетиция! Пусть идет к черту! Или нет, спроси, минут десять она может подождать? Нет, не спрашивай! Я уже лечу! – крикнул Санечка мне, а актерам «продолжайте репетицию без меня, шаг в сторону – убью!..»

Не прошло и десяти минут, как Санечка стоял на пороге.

...Клиника похожа на пятизвездочный отель, мы в таком были летом, – мраморные колонны, цветы в огромных вазах, фонтан с ангелами.

– Что вас беспокоит? – спросил врач, ощупывая Викину руку.

– Меня беспокоит этот человек, – Вика кивнула на Санечку, – я бы к вам не приехала, но он прожужжал мне все уши, что у меня открытый перелом со смещением.

Никакого перелома нет.

В кабинете врача Санечке попало за то, что он не может отличить сломанную руку от целой, подлинные страдания от мнимых. За то, что он бросил все по первому зову, и за то, что недостаточно резво примчался.

– А если бы это был открытый перелом?! – шипела Вика. – У тебя что, совсем нет воображения?! Тоже мне, режиссер...

Нет, ну а если бы?..

В этой сцене у Вики главная роль, у Санечки роль без слов, он только вздыхает и виновато поглядывает на врача. Он статист, бессловесная овечка.

Но и овечка борется за себя как может и при случае может отомстить.

– Ты креветка, – мимоходом бросил мне Санечка. Я тут же прилегла на кушетку, распустилась, опала и отупела лицом.

– Теперь схвати себя за нос и кричи «хи-хи-хи», – велел Санечка.

Я высунула язык, схватила себя за нос и заверещала «хи-хи-хи» с серьезным лицом, как будто выполняю важное поручение – тут главное соблюдать серьезность, это же работа, а не розыгрыш или глупая шутка.

– Этот человек тебя погубит, – привычно отметила Вика, – немедленно прекрати быть креветкой!

– Объяснись врачу в любви, – прошептал мне Санечка.

Объясниться в любви? Я люблю его, этого доктора! Я люблю его с детства, я любила его всю юность, моя любовь так велика, что мне не стыдно, что моя любовь безответная. Он женат, и я все не могла решиться сказать ему о своей любви и вот, наконец, решилась. Почему? Потому что... пусть он хотя бы знает, что я его люблю.

Я подошла к врачу и тихо сказала: «Мне ничего от вас не нужно, я просто хочу, чтобы вы знали – я люблю вас...»

Врач растерянно кивнул, начал озираться вокруг. Навер-

ное, хочет прибегнуть к помощи персонала, ищет тревожную кнопку. Но мы уже сами гуськом двинулись к выходу.

– Брекс! – сказала я, и Санечка, не оборачиваясь, высоко подпрыгнул в дверях, успев в прыжке сделать доктору извиняющуюся гримасу и виновато развести руками.

– Режисс-сер! – прошипела Вика, и мы покинули кабинет.

Викино главное ругательство – режиссер. Вот так, со свистом, выражающим максимальное презрение, – режисс-сер. Вика любит театр, для нее, как и для меня, во всем, что связано с театром, есть тайна, притяжение, трепет. Если бы Санечка был ученым, она бы шипела – уч-ченый, если бы Санечка был слесарем, шипела бы слес-сарь.

Санечка режиссер. Режиссер – это не просто поставить спектакль, это определенный тип личности. Режиссер всегда немного фюрер, он главный, умный, знает, как надо, умеет принимать решения и выстроить интригу. Люди с другим набором личностных качеств, мягкие, не умеющие управлять, в эту профессию не идут. Санечка примчался по первому зову потому, что репетиция не шла. Если бы репетиция была хорошая, то он вообще не ответил бы на звонок.

Санечка немного фюрер, Вика много фюрер... Как два фюрера могут общаться? Поссориться и не разговаривать всю жизнь, как Станиславский и Немирович-Данченко? У них в одном театре у каждого была своя труппа, свои авторы, свои администраторы. Есть знаменитый театральный рассказ: после многих лет ссоры их уговорили помириться.

Примирение было обставлено очень торжественно, на глазах у всех они должны были выйти на сцену, пойти друг навстречу другу и пожать друг другу руки. И что получилось? Они вышли с разных сторон сцены, но Станиславский пришел к центру сцены быстрее, а Немирович-Данченко замешкался, и по дороге споткнулся и упал – упал прямо к ногам Станиславского. Станиславский усмехнулся и сказал: «Ну что вы, не надо уж так-то»... Не надо так униженно просить прощения, припадать к ногам. После этого они не разговаривали до конца жизни.

А у нас иначе – один фюрер капитулировал с размаха, как подкошенный упал к ногам другого и не поднялся. Вика тиранит Санечку, рычит, кусается, царапается, Санечка послушно подставляет шею для укуса, руку для царапин, бросается к ней по первому зову, слушается беспрекословно. А ведь Вика Санечке всего-то «ТЕЩА», никто.

Но знаете что? Все это театр. Игра.

Вика очень хитро запрещает Санечке только то, чего он сам не хочет. Например, не разрешает ему оставлять его подруг ночевать: «Сколько, по-твоему, женщин должна насчитать девочка в твоей постели за эти годы, двадцать, тридцать? Я сказала „нет“, значит „нет“!» Санечка слушается, – он сам не хочет, чтобы они у нас ночевали! Вика хочет тиранить Санечку, а Санечка хочет, чтобы Вика им руководила, чтобы его жизнь была разделена на две части – работа и мы, и чтобы эти части подчинялись разным законам. Зачем

Санечке это нужно, я не знаю. Мужчину нельзя понять до конца.

На самом деле у Санечки и Вики любовь. Любовь, страсть, близость. Конечно, духовная любовь, страсть, близость. Они жить друг без друга не могут.

Между прочим, в нормальной семье положено, что отец и бабушка ребенка любят друг друга, потому что их объединяет ребенок.

...Вика цепко схватила Санечку под руку:

– Так, внимание. Сейчас мы едем покупать тебе матрас «Волшебные сны». Я видела рекламу. Интересно, какие они, волшебные сны?.. Хочу купить сразу три, тебе, мне и ребенку. Как это не сейчас?! Нет, либо сейчас, с тобой, либо я вообще отказываюсь покупать матрас! Ну и что, что репетиция?..

Иногда Санечкина улыбка означает «да», иногда «нет, но все-таки да», иногда «ни за что!». Вика понимает все его улыбки.

– Нет, вы подумайте! У человека репетиция, актеры ждут, а он хочет ехать покупать матрас! Удивительно, что у тебя нет никакой ответственности! Я же сказала – сегодня никакого матраса! Ты уйдешь, наконец, на репетицию или так и будешь мне надоедать?!

Моя другая жизнь

Что мне задано:

по литературе – комедии дель арте, влияние театра импровизации на развитие западноевропейского драматического театра, принципы комедии дель арте в создании комедийных телесериалов – интересно!

по музыке – «Хорошо темперированный клавир» и прочитать Браудо «Об изучении клавирных сочинений Баха в музыкальной школе» – люблю Баха больше всех на свете!

по истории искусств – Станиславский «Работа актера над собой»

по математике – сколько будет два плюс два.

Вообще в лицее ничего особенного. Есть кое-что, смешное – дружба с Эликом.

После уроков его ждет машина. У него с собой всегда записная книжка. Он смотрит в нее, ставит закорючку и отрывает листок. У него там что, план? Куда ему дальше идти? У него день расписан по минутам. У него теннис, музыка, Эрмитаж, домашние учителя. В лицее у нас у каждого индивидуальные занятия, а у него еще и дома учителя! До ночи учат его спряжениям!

Он рассказывает мне какие-то глупенькие мелочи своей глупенькой малышовой жизни – как он играет в теннис, что играет, что смотрел в театре, что слушал в филармонии. Ему

нельзя гулять, только заниматься и повышать культурный уровень.

Он странный – ни с кем не разговаривает, кроме меня. Не хочет, не умеет. Не знает, как люди разговаривают. У него нет навыка общения. Он что, вообще никогда ни с кем не дружил?

Где он вообще был до лица? Жил в филармонии?

Раз в неделю, по вторникам, он провожает меня от лица до дома, до памятника Екатерине. А за ним по Невскому едет машина, разворачивается у Екатерининского сада и ждет его. Пока мы стоим у памятника Екатерине. Ему можно постоять 10 минут.

У нас есть одаренные, которым интересна только математика, или биология, или литература. Но им ИНТЕРЕСНО. А его как будто запрограммировали на это на все. Как будто завели ключиком. Он какой-то игрушечный! У него даже ни одного прыщика нет, как у всех мальчишек, нежное гладкое личико. Может быть, родители не разрешили ему половое созревание?

Почему он выбрал меня?

Я его спросила:

– Почему ты выбрал меня?

– Нужно с кем-то дружить, – сказал Элик.

ЭТО он называет дружбой? Десять минут у памятника Екатерины по вторникам?

– Но почему я?

– У нас с тобой много общего.

Он не сказал, что, ему уже нужно было идти – десять минут истекли. Но мне и не интересно. Что у меня может быть общего с куколкой?!

Я дружу с ним снисходительно, как человек с куколкой. Это гуманитарная помощь. Мне его жалко. И мне не жалко десяти минут у памятника Екатерины по вторникам, если для кого-то это ДРУЖБА.

Я знаю – все, что человек делает, он делает для себя. И гуманитарную помощь оказывает для себя. Так что должна быть какая-то причина – почему я приручаю его как дикую птичку.

Наверное, я хочу чувствовать себя доброй.

Он ничего не рассказывает про родителей. Обходит тему своего прошлого стороной, как разведчик в тылу врага. Я не удивлюсь, если он когда-нибудь признается: «Мой папа король», – его так странно воспитывают, как будто все обычные, а он принц. Тайный принц.

Моя главная жизнь

Сентябрь идет к концу, а у Санечки никакого романа. У нас уютная жизнь, как будто мы нормальная семья с Катькой. Мы идем в гости втроем, как нормальная семья. Катька счастлива, как будто сегодня Новый год.

Санечка собирается и разговаривает по телефону с Эллоу.

Элла все врет про высшие силы. Она и сама обделывает свои делишки. Звонит Санечке каждый день – уговаривает взять пьесу. Это и есть ее стратегия успеха, долбить как дятел в одно место.

– Я бы с радостью, но, видите ли, у меня – театр, – говорит Санечка, пока Катька завязывает ему галстук, – да, у вас драма. Но не совсем в том смысле, в каком это обычно имеется в виду в театре. Я думаю ставить Чехова, «Три сестры» – это драма.

– Да, опять Чехов, опять «в Москву, в Москву...» – улыбается Санечка, – кому сейчас нужен Чехов? Это ненормально опять ставить Чехова?

Катька немного придушила его галстуком – как ты разговариваешь с таким знаменитым человеком?! Мы с Катькой хорошо знаем его улыбки, эта улыбка – очень вежливая издевка..

– Да, вы правы, я главный режиссер государственного театра. Да, у меня обычный театр. Совершенно верно, суперзвезд у нас нет, просто хорошая труппа. Да, у вас коммерческая пьеса. – Санечка посмотрел на телефон, как на продавца на рынке, который изо всех сил убеждает, что его черешня лучше, чем у соседа, вежливо, внимательно, думая о другом. Включил громкую связь и пошел в прихожую, он всегда забывает, в каком кармане оставил ключи от машины.

– Ваши зрители – это люди, которым есть куда пойти кро-

ме театра: в рестораны, казино. А если они хотят чего-то престижного, они лучше пойдут в оперу, а не в драматический театр. А для простых зрителей нужны коммерческие пьесы. Так хватит уже ставить Чехова, поставьте мегапопулярного автора! Вы должны рассуждать здраво! Александр, вы же практичный человек! У вас проблемы. У вас падают сборы. У вас проб-ле-мы.

Санечка вернулся, улыбнулся улыбкой «у кого же нет проблем» и выключил громкую связь.

Элла еще что-то сказала.

– Элла, мне больше нечего вам сказать, – резко сказал Санечка, – всего хорошего. – И швырнул телефон на стол.

Санечка никогда не швыряет телефон, никогда не обижается.

Что? Что она ему сказала?

Моя другая жизнь

Элла сказала: «У вас проблемы», а Санечка улыбнулся улыбкой «у кого же нет проблем».

На тот момент проблем у него было две. Одна, по-моему, ерунда, а другая очень сильно меня напугала. Откуда я знаю? Подслушала его разговор с Катькой. Они ночью разговаривали на кухне, а я стояла в коридоре.

Остается, конечно, вопрос – почему я вообще подслушивала? Ну... просто хотела быть в курсе.

Санечка сказал:

– Эта наглая самодовольная коза попала в больную точку. Я всегда считал, что делаю самое важное дело – зрительский театр. Зрительский, а не элитарный! Где этот так называемый элитарный зритель? Говорят, он есть, но его никто не видел! Мой театр – для среднего зрителя, для людей, которые ходят в театр один-два раза в год. Мой зритель должен получить в театре не чужое «я», а настоящий театр. Он хочет испытать эмоции. И моя идея абсолютно, стопроцентно верная – зрительный зал у меня всегда полон. БЫЛ полон. А сейчас сборы упали, почему?.. Знаешь, что самое неприятное? Она права насчет коммерческих пьес и ее суперпопулярного имени...Кстати, ее пьеса ужасна, пьесы просто нет.

Катька сказала: можно переписать... если ты считаешь, что для театра это хорошо. У тебя же чутье.

Санечка сказал: ты думаешь?.. Ну не знаю... Она, конечно, самодовольная дура, она даже не заметит, что мы берем только ее имя. Зритель на нее пойдет, а на Чехова – не знаю.

Катька сказала:

– Думаешь, зритель идет по улице, видит афишу – спектакль по пьесе знаменитой писательницы. И думает – ага, у меня дома сто ее книжек, можно и спектакль посмотреть, приятно провести время. А вот, кстати, и Чехов, «Три сестры».

Санечка сказал:

– Ну, приблизительно.

Санечка сказал:

– Все-таки поставим Чехова. Есть один интересный молодой режиссер, он еще не ставил классику, но вообще ставит очень необычно.

А потом Санечка сказал... Я испугалась до дрожи в коленках, ведь я всегда видела Санечку уверенным, веселым, сильным.

В общем, Санечка сказал Катьке, что он не состоялся. Что быть не очень известным главным режиссером... Что он не сказал свое слово в искусстве, как Товстоногов, Эфрос, Додин. О Малом драматическом театре давно уже говорят «Додинский театр», а о его театре говорят просто «театр», и не важно, кто там главный режиссер. И если он завтра уйдет, театр останется прежним.

Я не знаю, что отвечала Катька, ничего не было слышно. Только Катькино тихое бормотание, а слов не разобрать.

Как она его утешала? Сказала, что в историю театра входят единицы?

Что он получал призы на международных театральных фестивалях, один раз получил Золотой софит и один раз Золотую маску?

Что сейчас он ставит немного, но актеры считают, что для театра это лучше?

Потому что если главный режиссер много ставит сам, то он приглашает на должность очередных режиссеров не талантливых, а просто. Из ревности к чужому успеху. А Санеч-

ка приглашает интересных режиссеров. Он не относится к чужому успеху болезненно, считает, что чужой успех на сцене его театра это и его успех.

Что он состоялся!

Или Катька просто говорила, что она его любит, что он самый лучший?..

На следующее утро я придирчиво всматривалась в Санечку, есть ли в его лице страдание и нервное расстройство, но и он, и Катька были веселы как птички.

– А как она тебе внешне? – спросила Катька. – Как кто? Писатель Ч?

– Похожа на старый лисий воротник, – сказал Санечка, – у моей мамы такой был, хищная мордочка, острые когти, клочковатый мех. Жутко страшный, она его нарочно забыла в химчистке.

И они засмеялись. Все ночное прошло без следа?

Моя главная жизнь

Вечером Катька снова у нас – сделала в пароварке диетические котлеты. Санечка пришел из театра, попробовал котлеты, сказал – очень вкусно, пойдемте в «Кидо».

«Кидо» – суши-бар в нашем доме.

«Калифорния» мне, «Филадельфия» Катьке, «фудоки» Санечке, «идзуми маки» Элле.

Откуда взялась Элла в платье с декольте? Позвонила Са-

нечке, спросила, где он, и пришла! Преследует его как начинающая артистка, чтобы попросить роль.

– Зверь идет, – предупредила я.

– Какой зверь? Я не люблю животных, – всполошилась Элла, – позовите официанта, пусть прогонит...

Вика подошла к нам. В зале шумно, приглушенный гул голосов, музыка. Сейчас будет что-то ужасное – обычный скандал. Хороший большой скандал, как Вика любит, с криками, угрозами расстаться навсегда и хлопаньем дверьми. Мы не дома, но это Вику не остановит, она будет кричать шепотом.

– У вас го-ости?! А я, а меня не позвали?! Вы думаете, что я эгоистка, а это вы эгоисты! Едите суши все вместе, а я одна, как перст, и тоже люблю суши!.. Значит, вы со мной так! – страшным шепотом начала Вика, прихватив ролл с Катькиной тарелки. – Как деньги, так Вика, дай! Как суши, так без меня!

Дело не в суши. Вика уже три дня не кричала.

Помните, у Толстого: старая графиня подчиняется только своим ощущениям? Когда ей нужно поплакать, она вспоминает умершего графа, когда нужно посердиться, она к кому-нибудь придирается. А Вике нужно покричать.

Санечке, конечно, хорошо! Мы с Катькой ерзаем и беспокойно поглядываем то на Эллу, то на Вику, нам стыдно перед знаменитой писательницей, а он улыбается своей кривой улыбкой, сидит спокойно, как будто смотрит удачную сцену в спектакле, причем не своем, а чужом. Санечка независи-

мый человек, ему не бывает неловко, ему бывает скучно или смешно.

– Не заказывай мне ничего, я ничего не хочу, – сказала Вика, подвинув к себе Санечкину тарелку.

Съела ролл, потянулась за следующим.

– А если я вам так надоела, если я вам не нужна, – прошипела Вика и потянулась за следующим роллом, – то уж будьте так добры, тогда и содержите себя сами! И не приходите ко мне за деньгами – не дам! Содержанцы!..

«Викон, дай мне на кофточку!» – передразнила Вика.

Катька хрюкнула от смеха, Санечка улыбнулся, Элла с интересом перевела взгляд с Вики на Санечку, и дальше скандал развивался так:

Вика, тихим едким голоском, Санечке – ты улыбаешься как махровый эгоист! Где твоя элементарная благодарность?! Мне! С этой минуты ты будешь сам себя содержать!

Катьке – а ты, актриса погорелого театра, пойдешь в секретарши!

Мне – а ты быстро спать и больше ко мне не приходи!

Нам троим – вы все любите не меня, а мои деньги!

Элла, наверное, думала – как у этой женщины поворачивается язык говорить такие ужасные, обидные вещи?.. Но Викин язык легко поворачивался в любую сторону, она четко выговаривает слова, после которых люди расстаются навсегда. Но почему-то с ней еще никто не расстался навсегда.

– Кто это, спонсор театра? – прошептала Элла.

– Тещца, – прошептала Катька.

– Теща? Это же ненормально! – удивилась Элла.

Санечка представил ее Вике.

– Викон, это знаменитая писательница, любимица миллионов твоих сограждан, ведущая ток-шоу...

– О-о! Это ВЫ! Неужели это ВЫ! – воскликнула Вика и тоненьким голосом, которым она всегда просит прощения, скороговоркой произнесла: – Ну хорошо, ну ладно, все простите-извините, больше не буду. Но я не виновата. Пришла к вам, а вас нет – любой бы вспылит.

Вика всегда так. Не успеет поставить точку в страшной обвинительной фразе и тут же с удовольствием просит прощения.

– А я и думаю – мне знакомо ваше лицо, что-то связанное с книгами. Думаю – вы не продавщица в Доме книги? – щебетала Вика. – А это вы! Я ваша поклонница. Ваши книги такие жизнеутверждающие, романтические, динамичные сюжеты, характеры, я просто в восторге. А как вы ведете ток-шоу – бесподобно. Особенно эти животрепещущие темы... не помню какие, но очень животрепещущие!

Не узнала Эллу – вот глупышка! Говорит, что у нее плохая память на лица, но это не так – просто она никуда не вглядывается, кроме зеркала. У нее дома повсюду разбросаны яркие Эллины книжечки. Она купила одну ее книжку на пробу и сказала – приличные люди такое не читают. После этого в ее квартире стали появляться все новые и новые яр-

кие томики с портретами Эллы на обложке. Вика уверяла, что эти десять – двенадцать томиков – все та же, первая и единственная книжка, которую она купила из любопытства и давно уже выбросила на помойку. Сама читает яркие книжечки, а сама прозвала Эллу «писательница Ч» – писательница чуши.

– Любовный роман – это именно то, что необходимо нашему народу... – сказала Вика.

Что это она так старается? Хочет включить Эллу в свою свиту и заставить что-нибудь для нее сделать? Думает, что Лицо из Телевизора будет ее слушаться, веселить, играть с ней дома в «Угадай мелодию», покупать ей курицу?

Санечка взглянул на часы и сказал:

– Девочки, я попрошу счет? Элла, по поводу вашей пьесы... Пьеса с современными реалиями, и думаю, зритель на нее пойдет, но не в нашем театре...

– Что? Ее в нашем театре? Но это даже смешно представить, что ты будешь ставить пьесу писателя Ч! – выпалила Вика. В зале шумно, она, наверное, не расслышала «но не в нашем театре».

Элла открыла зубастый рот и бросилась в атаку:

– Почему это смешно?! И почему я «писатель Ч»?

– Писатель Ч – это писатель Чудных книг. Вика дала вам такое милое прозвище, – нашлась Катька, – да, Викон?

– Да, – неохотно подтвердила Вика и неожиданно трезвым

голосом добавила: – Что происходит с народом, какие у нашей страны кумиры?!.. А ведь неплохая была страна. Чехова читали. А писатель Ч – это не Чехов!

– Кто вы вообще такая?! Вы оскорбили не меня, а миллионы прекрасных людей, моих поклонников! Вы должны немедленно перед ними извиниться!

– Авось миллионы прекрасных людей не заметят, – отмахнулась Вика.

Ссориться с Лицом из Телевизора уже стало у нас традицией.

– Он Чехова будет ставить, – строго сказала Вика, – ты же будешь ставить «Три сестры»?

Санечка пожал плечами:

– Вот Элла считает, что сборы будут больше, если мы поставим ее пьесу. Но как ты скажешь, Викон, так я и сделаю.

На лице Эллы был четко написан текст: здесь есть только два настоящих человека – знаменитая писательница и главный режиссер. Почему неизвестно кто вмешивается в репертуарную политику театра? Почему этот Неизвестно Кто обладает таким влиянием на главного режиссера? ЧТО ВООБЩЕ ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!

– Значит, так, – радостно подбоченилась Вика. – Ты. Сегодня. Решись вопрос с Чеховым. Или я не знаю что сделаю. Режис-сер! Опозорился передо мной и всеми культурными людьми, надо же, ставить вместо Чехова писателя Ч! Раз ты так, я ухожу.

Вика быстро прошла к выходу, изо всех сил хлопнула дверью, так что дом содрогнулся.

И через минуту появилась снова – она никогда не уходит со сцены с первого раза.

– Викон, я буду ставить Чехова, только не уходи... – жалобно попросил Санечка, – а хочешь, Шекспира?

Элла не понимает, что все это игра. Санечка никогда не обсуждает с Викой театр. Вике безразлично, что он поставит – Чехова или писателя Ч. Она своим хитрым, настроенным на Санечку носом почуяла – сейчас ей можно поиграть, что она главная. А любимица миллионов ничего не понимает! Думает, что главный режиссер – дурачок, а репертуарной политикой театра заведует «Тещца». Думает, что он принял решение прямо здесь, в суши-баре, пока Вика бесновалась. Мы больше всего на свете любим играть, Санечка и я.

Вика уселась за стол, наклонилась к Элле:

– Раз я победила и этот человек будет ставить Чехова, то вы уж простите меня, дорогая! Я не хотела принизить достоинства вашей чудной прозы. А писатель Ч звучит почти как писатель Чехов, правда? Я вами очень восхищаюсь! Добро пожаловать в наш дом, в наш театр! Санечка, закажи шампанское, отметим. Мне суши с крабом и авокадо.

– Обалдеть, – сказала Элла, – от вас можно обалдеть.

– Все так говорят, – скромно согласилась Вика, думая, что ей сделали комплимент.

Вот так мы себя показали самому знаменитому в стране

человеку после президента.

Вообще-то Элла имела в виду не ее, а Санечку. Она, конечно, тоже поняла, что все это шутка. Она смотрела на него во все глаза. Как будто никто с ней никогда не шутил, не разыгрывал ее. Как будто она никогда не видела умных, интересных, красивых, необыкновенных мужчин.

Санечка не взял ее пьесу, значит, не все она может заказать?

Все равно в ней есть что-то опасное – она не старый лисий воротник, ее не забудешь в химчистке. Я ее боюсь. Как будто она и правда поставила высшие силы к себе на службу.

Моя другая жизнь

Индивидуальное задание по психологии. Написать эссе на тему, которая меня волнует.

Не скачивать из Интернета, а чтобы что-то касалось меня очень лично.

Моя главная жизнь

– Как ты думаешь, он ее любит?

Как вы думаете, кто кого спросил и кто кого любит?

Спрашиваю я сама себя. Это я спрашиваю от полной бес-

помощности. Я вдруг обнаружила, что совершенно не понимаю мужчин.

Он же сам сказал, что она старый лисий воротник! Что она наглая самодовольная коза!

...Лицо из Телевизора появилось у нас дома как будто в эпизоде и должно было вернуться обратно в телевизор. Но Элла не вернулась обратно в телевизор, а осталась с нами.

Пьесу Эллы приняли к постановке и сразу же начали репетировать, переписывая по ходу репетиций. В следующем сезоне у нас будут два необычных для театра спектакля – Чехов и писатель Ч. Ставит писателя Ч. не Санечка, конечно, – много чести, чтобы главный режиссер ставил ее бездарную пьесу!

Элла сидит почти на каждой репетиции. Говорит: «Это мой первый опыт в театре, хочу держать руку на пульсе». У нее многомиллионные тиражи, телевидение, зачем ей эта пьеса?!

Лучше бы новую книгу писала. Может быть, она пишет свои романы во сне?.. Восемь часов сна – глава готова! Не понимаю, когда она пишет, она всегда у нас – в театре, в телевизоре, на кухне. Сидит у нас на кухне и одновременно поет и пляшет на всех каналах. Вечером Элла уходит, но если мы по ней соскучимся, всегда можно найти ее на одном из ночных каналов.

– Лицо из Телевизора лезет в окно, – сказала Катька.

– Мм-да, – ответил Санечка.

Элла стала новой Санечкиной главной любовницей.

Все, что я думаю об Элле, звучит по-детски, как будто мне пять лет.

Но она называет меня Мария! А не Маруся, как все. И еще говорит: «Ну что, как твои дела в школе, Мария?» точно с такой вредной ядовитой интонацией, как у девчонок-первоклассниц – «вот какая ты, Марусечка». Она даже не знает, что я учусь в лицее.

Как Санечка может с ней разговаривать, целовать ее?..

У нее наглое лицо, наглые плечи, наглые руки! Наглые ноги на шпильках.

ЧТО ОНА К НАМ ЛЕЗЕТ?

Для каждого человека есть одно слово, которое выражает его сущность, одно главное свойство, вокруг которого формируется весь образ. Я не сразу нашла для нее главное слово, слишком много во мне было для нее слов, и все обидные.

Главное слово для Эллы – Швабра. Противная Заводная Швабра.

...Почему Санечка с ней?

Мне не сказали. Никому не дают таких объяснений. Я просто теряюсь в догадках, почему «любит-не любит» случается с самыми неподходящими друг другу людьми.

Иногда мне совершенно понятно, почему один человек любит другого. Почему Санечка «любит» Катьку – она прелестный одуванчик. Понятно, почему Санечка «не любит» Катьку – просто не хочет. Катька слабый человек. Она все

делает неправильно, слишком часто спрашивает его глазами: «Ты меня любишь?», не оставила ему в себе никакой загадки, считает, что она хуже всех.

Понятно, почему профессор Сережка любит Вику, – ему кажется, где Вика, там жизнь.

Иногда мне понятно, почему один человек «любит» другого, а иногда я думаю – все-таки немного странно. Немного странно, почему я «люблю» Атланта, хотя он самый красивый и молчаливый в мире. Немного странно, почему я люблю М., но он все-таки гениальный Несчастливцев.

Но это впервые, когда **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОНЯТНО!**

Не могу поверить, что Санечка влюбился в зубастое Лицо из Телевизора!

Как Санечка ведет себя с Эллой?.. Иронично, нежно-приятельски. Он так держится со всеми своими женщинами, это ничего не говорит о его чувствах.

Санечка всегда говорил мне: «Маруся! Если тебя что-то интересует, не гадай, не мучайся, не стесняйся – просто спроси».

Я спросила: ты в нее влюбился или как всегда, а он сказал – ну что ты, Маруся, конечно, как всегда.

– Почему ты беспокоишься, Маруся?

– А почему ты с ней? Тебе нравится, что ее повсюду узнают и бросаются за автографом?

– Марусечка! Мне нравится, что я сам себя повсюду узнаю и бросаюсь к себе за автографом, – ответил Санечка.

– Она тебя заказала? – спросила я.

Элла все время твердит о своих «заказах» – «заказала хорошую погоду, заказала новую передачу». У нее все так четко устроено: заказала – получила, и никаких сомнений. Может быть, Элла – человек без подсознания? У всех людей сознание – это крошечный островок в океане подсознания, а у нее – вообще нет подсознания. И сознания у нее тоже нет. У нее внутри только клетчатый лист бумаги, на котором написаны ее заказы.

– Очевидно, она меня заказала, – с серьезным видом подхватил Санечка, – тебе нужно было похлопотать, чтобы эти ее Высшие Силы немного придержали заказ на меня. Высшие силы могли бы соврать Элле, что как раз сейчас меня нет, записать ее на меня в очередь...

– Ты с ней на целый сезон? – не отставала я. – Мне что, еще целый сезон ее терпеть?.. Ты же сам знаешь, она нам не подходит.

– Послушай, малыш. В этой женщине есть что-то космическое. Тебе кажется, что она говорит несусветные глупости, но попробуй представить, что в ее мире все не так, как у нас, и для НЕЕ в ЕЕ мире все логично. Тебе не любопытно побыть в ее логике? Как будто у нас в гостях пришелец из космоса? У нас с тобой никогда еще не было пришельцев из космоса.

Санечка предложил мне поиграть в нашу любимую игру для развития наблюдательности и фантазии – придумать Элле биографию.

Придумать Элле биографию? Ее биографию можно прочитать в Интернете – Элла самая успешная, у нее самая лучшая, самая интеллигентная семья, отец директор завода в маленьком городке, мать профессор, у Эллы самый лучший ребенок, который учится в самой лучшей школе в Англии.

– А ты ПРИДУМАЙ. Исходи из того, какая она. А потом мы с тобой сопоставим твои идеи и мои впечатления. И расслабься – она совершенно безобидная. Она просто не понимает, как с тобой обращаться, думает, что ты обычная девочка.

Я успокоилась – Санечка сказал «мы», «у нас с тобой», значит, мы с ним, как всегда, отдельно от всех. Буду наблюдать – умение замечать детали должно быть привычкой актера и режиссера. Лоуренс Оливье сказал, что хранил в памяти какие-то детали 18 лет, прежде чем они емугодились. Буду наблюдать. Может быть, мне через 18 лет понадобятся эти детали, чтобы сыграть пришельца из космоса.

Но я не понимаю! Он все-таки взял ее бездарную пьесу. Он с ней спит. Может быть, это его кризис середины жизни? Когда человек думает – вот черт, я всегда буду делать то, что я делаю, жить с той, с кем я живу, и что, ЭТО УЖЕ НАВСЕГДА?!

Вот он и подумал: «Я всегда ставил классику, пусть сейчас

в моем театре поставят пьесу писателя Ч. У меня всегда была милая, умная, красивая подруга и Катька, пусть сейчас у меня будет зубастый пришелец из космоса и Катька». У него кризис.

Не грозит ли ему нервное расстройство?..

Моя главная жизнь

Днем Санечка ушел в театр, а я кое-что сделала. Плохое.

Санечка ушел в театр, а я вдруг поняла, что Вика мне страшно надоела. И мне нужно побыть одной на веранде у Казанского собора. Я хочу на веранду – вдруг М. там? М. живет в соседнем доме, на канале Грибоедова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.